

Глава 14

Гу Цзиньчэн редко терял самообладание, но на этот раз, прямо перед камерами, он резко распахнул дверцу машины и, схватив Фан Цзинно за воротник, бесцеремонно вытащил его наружу.

Слова упрека уже готовы были сорваться с его губ: «Почему из-за тебя одного должны страдать все?»

Но, опустив взгляд, он увидел заплаканное, мокрое лицо. Фан Цзинно задыхался от рыданий, и даже кончики его ушей горели неестественным румянцем.

Пот смешался со слезами, а некогда пышные кудри безвольно прилипли к щекам.

В затуманенных серых глазах стояли слезы, на ресницах дрожали кристальные капельки. Жалкое и одновременно невыносимо раздражающее зрелище.

Гу Цзиньчэн на мгновение замер, проглотив готовые сорваться с языка упреки. Он впервые видел, чтобы кто-то вел себя настолько неразумно: сам был виноват, но при этом заливался слезами.

Рыдал так горько, что просто не знал, как на это реагировать.

Фан Цзинно понимал, насколько жалко он сейчас выглядит. Мало того, что его выволокли на всеобщее обозрение, так еще и выставили в таком неприглядном виде перед камерами.

От унижения, стыда и отчаяния в голове у Фан Цзинно помутилось, и он, не раздумывая, впился зубами в державшую его руку, угодив точно в мягкую плоть между большим и указательным пальцами.

— С-с-с... — Гу Цзиньчэн резко втянул воздух и посмотрел на бледное лицо, которое мог бы полностью накрыть одной ладонью. Ему было и смешно, и зло.

— Отпусти.

Гу Цзиньчэн бросил последнее предупреждение, но, видя, что юноша не собирается разжимать челюсти, он просунул большой палец ему в рот и, нащупав острый клык, с силой надавил вниз.

Полные губы юноши вынужденно приоткрылись, обнажая кончик языка. Его лицо выражало крайнее изумление, он был похож на взъерошенного кота.

Фан Цзинно не мог сомкнуть губ, и мычал что-то нечленораздельное.

Через несколько секунд Гу Цзиньчэн убрал руку и, достав платок, медленно и тщательно вытер пальцы.

Фан Цзинно почувствовал себя еще более униженным. Он спрятал лицо в сгибе локтя, пытаясь скрыться от направленных на него со всех сторон взглядов и безжалостных объективов камер.

Стоявшие неподалеку сотрудники толкали друг друга локтями, их глаза были круглыми от удивления. «Черт, сестренка, а ведь в этом что-то есть...»

Все ошеломленно наблюдали за этой сценой — великий демон был усмирен!

Но Гу Цзиньчэн не собирался так просто его отпустить.

Длинные, сильные пальцы мужчины крепко сжали предплечье Фан Цзинно, заставляя его опустить руки и поднять голову. Он заставил его посмотреть на ухабистую проселочную дорогу и бескрайние поля, словно пытаясь вернуть к реальности и заставить отказаться от бессмысленного бегства.

— Ты презираешь деревню?

— Нет!

Фан Цзинно резко вскинул голову. Уголки его глаз все еще были красными, а во взгляде читалось упрямство. Он изо всех сил пытался вырваться, но его тонкое, не привыкшее к нагрузкам запястье было бессильно в крепкой, мозолистой руке Гу Цзиньчэна.

— Тогда почему отказываешься сниматься? — Гу Цзиньчэн заметил, как на запястье юноши проступает красный след, и слегка ослабил хватку, а затем и вовсе отпустил его.

Он нахмурился, искренне не понимая причины такого поведения.

Если бы дело было в неприязни к нему самому, Фан Цзинно ушел бы еще в аэропорту. Значит, причина была в другом.

— Я подвернул ногу. Не могу идти по такой каменистой дороге.

Фан Цзинно шмыгнул носом. Понимая, что все уже решено и Ван Цань фактически «продала» его съемочной группе, он, понурившись, выдал первое, что пришло в голову.

— Только из-за этого? — взгляд Гу Цзиньчэна скользнул к его лодыжке, которая и впрямь выглядела немного опухшей.

Теперь понятно, почему он все время стоял как-то криво и опирался на других. Оказывается, он его неправильно понял.

Сам не зная почему, глядя на то, как Фан Цзинно, упрямо вытирая слезы, выглядит одновременно жалким и несчастным, Гу Цзиньчэн почувствовал укол вины.

— Есть какой-нибудь транспорт, на котором можно было бы доехать? — обратился он к съемочной группе.

— Учитель Гу, по правилам, добираться можно только пешком.

Услышав слово «правила», Гу Цзиньчэн замолчал. Он ценил порядок и ненавидел хаос, поэтому сам никогда не стал бы нарушать установленные правила.

— Долго идти? — спросил он.

— Около получаса.

— А багаж?

Тут же появился временный режиссер и, вооружившись мегафоном, объявил:

— Уважаемые участники, вы взяли с собой слишком много вещей. По правилам, вы можете

взять только то, что поместится в предоставленные съемочной группой чемоданы. Остальное мы оставим на хранение.

С этими словами он указал на два самых маленьких, 18-дюймовых чемодана, которые вынесли сотрудники. По сравнению с огромными баулами двух звезд, эти крошечные чемоданчики выглядели просто смешно.

Фан Цзинно, только что вытерший слезы, тут же взорвался снова:

— Почему вы раньше не сказали?! Почему не предупредили?! Я притащил столько вещей! Нам что, не тяжело было?! Что за бред?

Гу Цзиньчэн тоже промолчал. Приходилось признать, что на этот раз возмущение Фан Цзинно было вполне обоснованным. В такой маленький чемодан, даже если класть только одежду, поместится от силы на три дня. А ведь среди участников есть и девушки, которым нужно место для косметики и прочих необходимых вещей.

Этого пространства было катастрофически мало.

Временный режиссер тоже чувствовал себя несчастным — не он же придумывал эти правила. Но ему ничего не оставалось, кроме как, скрепя сердце, объяснять:

— Учитель Фан, вы и учитель Гу, должно быть, видели карточку с ключевыми подсказками, которую мы предоставили перед началом съемок? Там было написано: «Кто первый встал, того и тапки». Вы уже сильно отстали от других участников. Если хотите выбрать себе хорошую комнату, нужно поторопиться. Скоро стемнеет.

Смысл был предельно ясен: будете копаться — останетесь без нормальной комнаты, и не говорите, что вас не предупреждали.

Гу Цзиньчэн нахмурился. Сегодня все шло наперекосяк. Он догадывался, что «первый пришел — первый выбрал» относится к комнатам, поэтому и приехал в аэропорт заранее. Но Чжао Чэнлянь в последний момент не смог приехать из-за другой работы, а Сяо Синь, будучи новичком, чуть не потеряла багаж. В итоге они опоздали и не успели на основной рейс, пришлось лететь вместе с Фан Цзинно. А теперь, когда они наконец добрались до места, возникла проблема с вещами.

Кажется, они с Фан Цзинно были астрологически несовместимы.

Фан Цзинно, разъяренный отношением съемочной группы, несмотря на боль в ноге, прихрамывая, ринулся вперед, готовый вступить с ними в «смертельную битву».

Гу Цзиньчэн молниеносно среагировал. Он перехватил его и, понизив голос до шепота, произнес:

— Ты был прав. Если бы они не хотели, чтобы мы брали столько вещей, то предупредили бы заранее.

Из-за резкого движения они оказались вплотную друг к другу. Гу Цзиньчэн практически обнимал его за плечо, и Фан Цзинно почти полностью опирался на него. Такая близость смущала, а зная о чувствах Гу Цзиньчэна, он мгновенно покраснел и, отстранившись, смущенно спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— В маленький чемодан поместятся вещи и одежда от силы на три дня, а первые съемки длятся пятнадцать. Это нелогично, — Гу Цзиньчэн тоже отступил на шаг, сохраняя едва уловимую дистанцию. Он слегка наклонился, и его теплое дыхание коснулось уха Фан Цзинно.
— Я думаю, в дальнейших играх наш багаж будет разыгрываться в качестве приза.

Фан Цзинно широко раскрыл глаза, переводя взгляд с Гу Цзиньчэна на коварную съемочную группу.

Кажется, в его словах был смысл.

Но... что происходит?

<http://bllate.org/book/13677/1211865>